

ДИСКУССИИ

Обсуждение статьи В.Д. Соловья "Революция русской идентичности. Россия для русских?"

В номере журнала № 4 за 2006 год была напечатана статья В.Д.Соловья "Революция русской идентичности. Россия для русских?", которая вызвала большой читательский интерес. Ряд постоянных авторов журнала выступили с комментариями на статью, которые мы публикуем ниже.

Discussion of the article by Valeriy D. Solovoi "Revolution of Russian Identity. Russia for the Russians?", published in № 4 Issue, 2006 of the Journal.

Л.Г. Бызов

ПРОИЗОШЕЛ ЛИ В РОССИИ "БУНТ ЭТНИЧНОСТИ"?

В статье "Революция русской идентичности. Россия для русских?" Валерий Соловей пытается доказать, что русское самосознание радикально трансформируется — происходит "бунт русской этничности", имперская парадигма, с которой Россия пережила тысячелетие, неуклонно сменяется солидарностью по принципу "голоса крови". Приводимые им в подтверждение этого тезиса социологические данные действительно свидетельствуют и об усилении межнациональной напряженности в современной России, и об актуализации национальных и этнических стереотипов, и о росте ксенофобских настроений. Об этом и мне не раз приходилось писать. Другой вопрос, насколько указанная тенденция действительно определяет процесс формирования российской нации в нынешней России? И можно ли столь категорично говорить о "бунте этничности"?

Процесс формирования российской нации идет крайне противоречиво. Возможно, он и не будет доведен до конца. Россия никогда не сможет стать полноценным национальным государством — ведь ее прошлое имперское состояние правильно было бы назвать суперэтническим. С другой стороны, современная Россия испытывает колоссальные проблемы с собственной идентичностью — по большому счету граждан страны мало что объединяет, и хотя за последние годы появились надежды на "новую идентичность", уже собственно российскую, по-

БЫЗОВ Леонтий Георгиевич — кандидат экономических наук, руководитель аналитического отдела ВЦИОМ.

прежнему пока нет ни общей идеологии, ни общих целей и интересов. Неопределенность общегражданской, государственной идентичности заставляет пристально всмотреться в альтернативные формы — этническую, конфессиональную идентичность, разного рода локальные идентичности. Страна зависла на промежуточной ступени между распадающейся имперской идентичностью и так до конца и не состоявшейся национально-государственной идентичностью. Перенос государственно-территориальной идентичности на нынешнюю "постимперскую" Россию, этнизация русского сознания, т.е. серьезное увеличение этнокультурного компонента в сравнении с государственно-гражданским и усиление влияния принципа "крови" — "чистой" этничности, если и существует, то лишь в качестве одной из множества противоречивых тенденций. Если в 90-е годы многим казалось, что идея "империи", великой державы окончательно умерла не только политически, но и в умах и душах людей, больше озабоченных "своими собственными делами", чем величием и амбициями государства, то в последнее десятилетие идея "державы" стала явно получать второе дыхание. Сегодня, по данным ВЦИОМ, для 60% тех, кто называет себя русскими патриотами, патриотизм — это в первую очередь "возрождение России как великой державы", и только для 35% — защита прав и интересов русских как в самой России, так и за ее пределами. Конечно, между "русской державой" и "империей" нельзя ставить знак равенства. Идет синтез идей национального государства и империи, ни то ни другое в чистом виде в России невозможно. Но тем не менее, каким бы ни был этот процесс формирования квазинации, он идет, и в нем можно выделить некоторые параметры.

Как показывают результаты исследований, в стране наблюдается рост общегражданской идентичности, не менее быстрый, чем рост этнических компонент. "Гражданами России" предпочитают себя называть 55,6% россиян, представителями своей национальности — 38,1%, в том числе "русскими" — 34,2%; представителями других национальностей — 3,9%. "Русская" идентичность не только не растет, а, напротив, в некоторой степени уступает место общегражданской российской идентичности, которая продолжает укрепляться по мере укрепления российской государственности и ее престижа. Это, безусловно, позитивная тенденция, хотя и не столь быстрая. В ней не следует, наверное, искать какого-то глубинного социально-философского смысла, это результат скорее привычки, к тому же подрастает молодое поколение, которое социализировалось в рамках границ нынешнего российского государства. С другой стороны, эта тенденция стала и результатом исправления государственного имиджа. Если в 90-е годы было стыдно называть себя гражданином России, то сегодня "Россия встала с колен", и общественное мнение именно это считает самой главной заслугой нынешнего президента.

По данным ВЦИОМ (ноябрь 2006), на вопрос "кто я такой?", 59% респондентов ответили: "гражданин России", 16% — назвали себя жителем своего региона, города, села (сибиряк, москвич и т.д.), столько же указали на свою национальность (русский, украинец и т.п.), 13% назвали себя "советским человеком", 4% указали на свой род занятий (учитель, дворник, маляр), по 3% охарактеризовали себя через свою конфессию (православный, мусульманин), столько же определили себя как "гражданин мира", 2% — отнесли себя к "европейцам". Вопреки тенденциям, на которые обращает внимание В. Соловей, можно говорить скорее о торжестве общегражданской идентичности.

С другой стороны, как справедливо отмечает В. Соловей, сохраняется и достаточно радикальная группа общества, состоящая из националистически наст-

роенных граждан, которые поддерживают идею: "Россия должна быть государством русских людей". Но и здесь не все так просто. За последние семь лет доля сторонников этого лозунга не росла, оставаясь на уровне 10–11%. Учитывая всплеск радикального русского национализма в период 2001–2004 гг., когда доля радикалов доходила до 17,1%, можно утверждать, что ситуация в значительной степени стабилизировалась. Иное дело — нерадикальные формы массового сознания, в наилучшей степени отражаемые лозунгом "Россия — многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны". Доля сторонников этой идеи выросла с 19,9% в 1998 г. до 29,5% в нынешнем. В равной степени сократилась и доля интернационалистов, которые считают, что "Россия — общий дом многих народов, оказывающих друг на друга влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ". В 1998 г. интернационалисты составляли 64,1% россиян, а ныне — лишь 50,8%.

При всей тревожности действительно существующих тенденций роста радикального русского национализма в отдельных группах общества, вызывают сомнение данные социологов Левада-центра, на которые ссылается В. Соловей. Речь идет о том, что лозунг "Россия для русских" пользуется поддержкой 58% опрошенных россиян, из которых большинство — молодежь. По данным ВЦИОМ, в самый тревожный 2004 г. наиболее высокий уровень поддержки этого лозунга наблюдался лишь среди сторонников ЛДПР — 28,6%. Что касается молодежи, то в младшей возрастной группе опрошенных (до 24 лет) его поддерживали в то время 20,7%, что действительно несколько выше, чем в среднем по другим возрастным группам, но на порядок ниже цифры, приводимой Левада-центром. На наш взгляд, не следует однозначно записывать в число националистов и тех, кто "за последнее время хотя бы раз испытывал чувство неприязни к представителям иных национальностей".

В. Соловей неоднократно ссылается на "опыт Кондопоги" как своего рода "русский рубеж", после которого русское самосознание перешло в иное качество. Но и этот вывод кажется явно преждевременным, тем более, что фактический анализ того, что произошло в этом маленьком карельском городке, не вполне ложится в идеологическое клише бунта русского самосознания.

В статье не раз говорится о "голосе крови" как главной доминанте нового массового сознания, иными словами, автор видит в процессе образования новой русской нации в первую очередь социально-биологические корни. Это утверждение также представляется более чем спорным. За теми явлениями, которые он относит к "зову крови", скорее всего, стоят более простые социальные процессы, в первую очередь связанные с формированием локальных общностей, выступающих социальными компенсаторами за снижение активности вертикальной мобильности, дистанцирование значительной части общества от политической и социальной жизни страны, с отсутствием социальных институтов, способных аккумулировать энергию людей за пределами столиц. В этом случае самоидентификация по этническому признаку служит своего рода "меткой" для опознания по принципу "свой–чужой". Как идея, консолидирующая общество, как основа идентичности она тоже явно недостаточна. Во всяком случае, в том виде, в каком она существует в умах нынешних россиян. Вся кухонная болтовня на тему засилья инородцев — это лишь компенсация за неумение отстоять свои этнические (и не только этнические) интересы в реальной жизни, неспособность самоорганизоваться. Энергетики "голоса крови", может быть, хватит на то, чтобы иной раз "на-

бить кому-то морду", но никак не на то, чтобы создать национальное государство. Идея "общности по крови" сегодня — это идея консолидации малых социальных групп в условиях, когда общество испытывает крайний недостаток социальных связей. Она не имеет ничего общего с русской цивилизацией, русской почвой, по своей энергетике она скорее противостоит идее общегражданской идентичности и скорее разрывает государство, чем его скрепляет.

Очень многие тенденции, описанные в статье, действительно существуют и должны служить предметом серьезного научного обсуждения. Однако мне кажется, что автор явно поторопился с формулированием глобальных выводов, которые из этих тенденций вытекают.

В.Б. Кувалдин МЕТАМОРФОЗЫ РУССКОГО ДУХА

Яркая, талантливая статья В.Соловья не пройдет незамеченной и вряд ли кого оставит равнодушным, ведь, по сути дела, автор пытается ответить на вечные проклятые вопросы отечественного бытия "кто виноват?" и "что делать?". Более того, статья претендует на исчерпывающее объяснение той глубокой трансформации, которое пережило (и переживает) российское общество в два последних десятилетия.

Содержание, стимулирующее дискуссию, облечено в соответствующую форму. Статья напоминает лихо закрученный детектив, истинная пружина которого обнажается в самом конце. От этнофобий автор переходит к фундаментальным сдвигам в общественном сознании, затем говорит о кардинальных изменениях всего ценностного поля российской жизни, бестрепетно и беспощадно характеризует состояние национального духа и завершает свой печальный рассказ кратким, но выразительным абрисом того, как мы дошли до жизни такой.

Мне близок гражданский пафос Валерия Дмитриевича, и многие его оценки я разделяю. Поэтому, не тратя время на вполне заслуженные им комплименты, остановлюсь только на том, что мне кажется дискуссионным в его построениях. Правда, и сами построения чем дальше, тем больше выглядят неоднозначными, сглаживающими и скрывающими внутренние противоречия позиции автора.

В качестве основного стимулятора развития национального самосознания, роста национализма, этнофобии автор указывает на биологию, фенотипические различия, "кровь". Чужая и чуждая внешность — это то, что лежит на поверхности, что наиболее легко и просто ухватывается массовым сознанием. Провести здесь разграничительную линию, при желании быстро превращаемую в полосу межэтнического противостояния, не составляет особого труда. Но только ли в биологии дело? Нет ли других, более значимых причин?

Может быть, стоило с большим вниманием и уважением отнестись к тем мотивам недовольства "засильем южан", которые называют сами участники опросов? Автор отмахивается от них как от рационализации этнофобии, которая бессознательно утаивает важнейший фактор — "расу". А зря. Ведь у людей действительно

КУВАЛДИН Виктор Борисович — доктор исторических наук, член исполкома Горбачев-фонда.

немало накопилось за 15 пореформенных лет. Здесь и поправное чувство справедливости (приезжие живут лучше коренных), и протест против купленной ими с потрохами местной власти, сквозь пальцы смотрящей на все художества "гостей", и ощущение своей незащищенности перед нашествием хорошо организованных чужаков, и реальная угроза утраты привычного образа жизни. Здесь не только и не столько биология, сколько безжалостная, болезненная, циничная ломка всего жизненного уклада, девальвация ценностей, утрата ориентиров. А пресловутая "раса" — удобное кодовое обозначение для сложнейшего комплекса эмоций, переживаний, тягостных раздумий, сожалений и обид.

Сам В. Соловей приводит весьма красноречивый факт, плохо укладывающийся в канву его рассуждений: разборчивые московские невесты, не обделенные потенциальными женихами, охотно идут под венец с "кавказцами". Казалось бы, здесь "голос крови" наиболее слышим и наиболее трудно преодолим. Только действует он почему-то с обратным знаком. Вообще при внимательном чтении статьи создается впечатление, что если бы автор отказался от своих биологических экзерсисов, она бы только выиграла.

Трудно не согласиться с В. Соловьем в его диагнозе первопричин тягостного перерождения русского духа. Не углубляясь в историю, в качестве главных он указывает на национальную катастрофу 1991 г., целое десятилетие с позволения сказать "демократических и рыночных реформ", политическую философию и практику ельцинизма, справедливо охарактеризованную как "национальная измена", продажную "элиту", обобрававшую и оболгавшую своих соотечественников, брошенный на произвол судьбы народ, внезапно оказавшийся перед перспективой ухода в историческое небытие. Народ, схватившийся за национализм как дубину, последнее оружие внезапно ослабевшего этноса.

Кратко, но выразительно В. Соловей подводит итоги ударного строительства на отечественной почве примитивного капитализма XIX века под патронатом Ельцина и Ко: корпорация-государство, неоварварское общество, беспрецедентный регресс всех структур общественного бытия. И в качестве ответа на катастрофическое ухудшение среды обитания — разворот массового сознания в сторону этнизации как простейшей формы защиты и психологической компенсации, социокультурной адаптации к новым условиям бытия. "Национальное тело России устояло ценой мутации духа" — таково афористичное резюме автора.

Здесь мои разногласия с В. Соловьем ограничиваются частными вопросами. Частными, но весьма существенными, от ответа на которые в немалой степени зависит картина происшедшего. Так, не могу согласиться с утверждением автора, что беловежский сговор произошел при молчаливом согласии русских. Напротив, было открытое несогласие, ясно выраженное желание сохранить союзное государство на всенародном референдуме в марте 1991 г. Поэтому заговорщики держали свои планы в тайне и от президента страны, и от общества, подавали беловежские договоренности как единственную возможность сохранить Союз в новой форме.

Явной натяжкой выглядит и утверждение, что "...на протяжении последней полутысячи лет русские являли собой один из наиболее успешных народов мировой истории". Да, было создано одно из наиболее сильных государств Нового времени, особенно в военном отношении. Но какой ценой? Миллионов и миллионов жизней, не говоря уж об отсутствии материального достатка и свободы у тех, кому посчастливилось уцелеть в жерновах бюрократически-полицейской машины. Не в этой ли запредельной цене, заплаченной нашими предками за строительство великого государства, корни того всеобъемлющего кризиса витальной силы

русского народа, о котором пишет В. Соловей? Не от такого ли государства он хочет уйти раз и навсегда?

И, наконец, последнее по порядку, но не по значению. Если бы статья Валерия Дмитриевича была бы написана в конце 90-х годов прошлого века, то здесь можно было бы поставить точку. Но с тех пор прошло без малого десятилетие, и оно тоже требует своей оценки. Вольно или невольно объединять ельцинский и путинский периоды постсоветской истории мне кажется серьезным просчетом. Различия видны невооруженным глазом, и они четко зафиксированы массовым сознанием, к которому постоянно апеллирует автор статьи. Не случайно Б. Ельцин ушел из Кремля на нуле, а В. Путин уходит на пике популярности. Второй Президент России взошел на властный Олимп в качестве официального наследника, но, к счастью для страны, не стал продолжателем дела своего предшественника. Напротив, начал осторожно разворачивать ее в другую сторону. Результат налицо: Россия — и русские! — не те, что были десять лет назад. Пусть это только первый шаг, но он, как известно, самый трудный.

Постепенное изменение вектора движения российского общества не может не отразиться в его сознании. Так что еще не вечер, у русского духа есть реальные шансы продолжить свою одиссею.

А.М. Демидов ЗАДЕВАЕТ ЗА ЖИВОЕ...

Чрезвычайно интересен подход В.Соловья к проблеме этнофобии и самоидентификации русской нации. Нельзя не согласиться с тем, что эта тема приобретает все более острый характер и, возможно, опережает по важности темы социокультурного и экономического развития нашей страны. Вряд ли стоит оспаривать утверждение автора об усилении этнофобии в России, по крайней мере, на бытовом уровне. Однако представление об этнофобии как об "обратной стороне процесса этнизации" вызывает у меня сомнение.

Во-первых, я не вполне согласен с тезисом, что этнизация — это качественно новый процесс в российской истории. На мой взгляд, русская идентичность сложилась в давней исторической ретроспективе и лишь продолжает развиваться в неких новых условиях.

Во-вторых, В.Соловей утверждает, что ксенофобия берет свое начало в биологической сути человека как сугубо материального существа. Но в то же время в основе ксенофобии или проблемы "своих и чужих" лежит не столько ненависть к другому, сколько элементарное чувство опасности, которое может от него исходить. Чем сильнее индивидум или сообщество индивидумов, тем меньше его фобии. В этой связи, на мой взгляд, усиление русской идентичности должно в итоге привести к уменьшению этнофобии. Уверенный в себе человек не боится других, а "фобия", как справедливо замечает автор, этимологически это — "страх и ужас".

Большое достоинство статьи в том, что она задевает за живое и заставляет глубоко задуматься над одной из самых актуальных проблем нашей современной социальной действительности.

ДЕМИДОВ Александр Михайлович — кандидат философских наук, генеральный директор ГФК-Русь.

С.В. Туманов

БОЮСЬ, ЧТО АВТОР ПРАВ В ГЛАВНОМ...

Хорошо, что в нашем журнале напечатана работа, в которой политически острая, эмоционально болезненная для многих проблема анализируется на действительно серьезном теоретическом уровне. По большому счету, я не согласен с В.Д. Соловьевом только в одном — с его выводом о ключевом значении "расы" в росте этнофобии, но о разногласиях позже.

Боюсь, что автор прав в главном, — необратимый процесс этнитизации сознания русских уже начался. Боюсь потому, что ясно понимаю: это явление органично культурному, этическому контексту периода становления индустриального общества. Сегодня, в эпоху глобализации, многие естественные проявления этого процесса будут вступать в противоречия с нормами современной морали, обернутся серьезными жизненными проблемами для миллионов конкретных людей, станут (и уже становятся) объектом мировоззренческих и политических спекуляций. Вполне обоснованное заключение о том, что в данном случае этнизация сознания и связанный с этим рост этнофобии "должны рассматриваться не как реакция традиционного общества на модернизацию, а как реакция модернизированного общества на де- и контрмодернизацию", может быть воспринято значительной частью научного сообщества. Но не оно формирует общественное мнение.

Безвинно пострадавшие в процессе "рождения нации" (а он еще только развивается) доброты, неизменно озабоченные избавлением русских от их исконной дикости, не смогут и не захотят согласиться с этими резонами. Не будут безучастно смотреть на конфликтный процесс и сторонники стабильности любой ценой, их политехнологи, уверенные, что они способны моделировать любые социальные трансформации. Короче говоря, есть чего бояться человеку, уставшему от предшествующих катаклизмов.

Хочу особо поддержать и по возможности дополнить тезис автора о том, что у русской этнофобии оборонительная, защитная мотивация, что ее "психологическую подоплеку составляет не экспансионистское устремление, а желание защитить свой очаг, родную землю и привычный образ жизни".

Как известно, в Российской империи этническая идентификация не входила в число официально признанных социальных статусов. При советской власти ее значимость в повседневной жизни еще более снизилась. В первую очередь эти перемены затронули сознание самих русских и людей, выросших в многочисленных полиэтнических семьях.

"Другие" существовали и будут существовать всегда. Чем сложнее ткань социальной жизни, чем больше социальных ролей играет каждый человек, тем больше вокруг него этих "других". Социальная практика постоянного и многообразного общения с "другими" (а не морализаторство на данную тему) служит основным лекарством от ксенофобии. Именно здесь осознается действительная разница между "другим", "чужим", "врагом". В системе ценностных координат человека, сложившегося в рамках современной цивилизации, этническая идентификация является лишь одной из многих "реперных точек", зачастую не самой востребованной.

ТУМАНОВ Сергей Владимирович — доктор философских наук, директор Центра социологических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова.

В моем послевоенном провинциальном детстве все знали, что дети Нефредича — татары, а Женя Герштейн и Миша Гуревич — евреи. Но это не имело никакого практического значения, потому что они были "свои" — городские (хотя и немного "другие"). "Чужими" были дети из русских семей, переселившихся в город из сожженных фашистами деревень. Эта большая миграционная волна создавала дополнительные проблемы для наших родителей, обостряла, как теперь принято говорить, конкуренцию на рынке труда. Мы улавливали только эмоциональный фон их отношений и интерпретировали его по своему: зачем "они" коверкают наши "городские" слова? "Чужие" в большинстве случаев не превращались во "врагов". Конечно, сказывались этническая общность, сочувствие к жертвам войны. Но я хочу подчеркнуть другое — вынужденные мигранты никому не пытались навязывать элементы своего образа жизни, своих норм поведения. Более того, они стремились поскорей стать такими, как все, стать горожанами. Они хотели поменять свой социальный статус на более высокий. В этой плоскости скрывается, на мой взгляд, одна из основных причин таких конфликтов, что произошел в Кондапоге.

Большинство этносов, населявших территорию СССР, вышли из перестройки с повышенным, а иногда и обостренным статусом этничности. Для этих перемен не потребовалось много времени, поскольку такой способ идентификации всегда служил для многих этнических меньшинств важным фактором социальной консолидации. У русских в период тотального кризиса всей привычной системы социальной идентификации этой "домашней заготовки" не оказалось. Поэтому новая иерархия социальных статусов в их сознании складывается медленнее и существенно сложнее. Значительная часть элиты положила в ее основу либеральные ценности Запада, которые основная масса русских отвергла на этапе "радикальных реформ", а сейчас осваивает с большим трудом. Пишу об этом с такой определенностью потому, что опираюсь на результаты уникального социологического исследования¹, в ходе которого было опрошено более 51 тысячи человек. Его итоги впервые позволили получить детальную репрезентативную картину ценностных приоритетов восьми этносов современной России.

Не вдаваясь в излишнюю детализацию, скажу, что менее других к восприятию "рыночного мышления" были готовы коми, белорусы и русские. Пустеющие сегодня, после введения "национальных квот", рынки, свидетельствуют, что русские и сейчас не готовы находиться в "эпицентре" соответствующих отношений.

На протяжении ряда лет социологи ЦСИ МГУ фиксировали заметные изменения представлений населения страны о своей Родине. В этом качестве на смену Советскому Союзу все чаще приходила не Россия (как можно было ожидать), а "малая родина", место, где человек родился и вырос. Применительно к чисто русской глубинке мы интерпретировали этот процесс как местничество, как сознательное дистанцирование от враждебной простому человеку политики и идеологии центра. Теперь становится понятно, что происходила и постепенная этнизация русского населения страны.

Снижение уровня жизни, разрыв социальных связей замыкали этого "простого" человека на конкретной обозримой территории. Маленький, даже самый депрессивный мирок стал той нишей, в которой он научился выживать, в нем он спрятался от психологического дискомфорта, вызванного крахом привычного

¹ "Предвыборная ситуация в России", ноябрь–декабрь 1993 г. Опрос проведен учеными Гарвардского и Колумбийского университетов, Университета Дюка (США), Центра социологических исследований МГУ, Института этнологии и антропологии РАН, в 73 региональных социологических организациях России.

большого мира, от навязанного ему, по меткому замечанию В.Д.Соловья, комплекса национальной неполноценности и чувства коллективной вины за демонизировавшуюся империю. Здесь основная масса разных по своему социальному статусу людей оказалась в одинаково сложных условиях, когда переставали "работать" даже те статусы, которые не были объектом сознательной дискредитации (уровень образования, характер труда и т.д.).

У абсолютного большинства членов местного сообщества оказалось немного консолидирующих признаков. Один из самых очевидных — все они были русскими. Простота этнической идентификации — необходимое условие ее быстрого возрождения. Но здесь правильнее говорить о совокупности факторов.

Либеральная элита дискредитировала и продолжает дискредитировать все советское, весь комплекс идентификаций, связанных с этим периодом отечественной истории. Но этническая идентификация, периферийная в том комплексе по своему статусу, долгое время не подвергалась особым нападкам, поэтому могла более других отличительных признаков претендовать на роль системного ядра новой позитивной идентичности. Очевидно, что для ее быстрого статусного роста в массовом сознании должен возникнуть образ врага. Поэтому этнизация сознания русских произошла прежде всего в русских диаспорах бывших союзных республик. Об этом свидетельствуют результаты опроса соотечественников, проведенного нашим центром в конце прошлого года в шести странах СНГ.

Испытав на себе политику более или менее выраженного национализма, многие из этих людей высоко ценят свою этническую принадлежность. Специфика их этнической идентификации заключается в том, что она сохраняет в себе идею имперского мессианского государства. Может быть, поэтому они, по их собственным словам, уже ощущают на интуитивном уровне свое ментальное отличие от русских, живущих в России. В практической плоскости их больше всего беспокоит негостеприимное отношение русских в российской глубинке к русским же мигрантам из-за рубежа. Думается, что за таким отношением скрываются не только экономические трудности, но и все еще традиционно низкий в ряде мест статус этнической идентификации как таковой.

В самой России на роль этнического "врага" долгое время претендовала определенная часть правящей элиты, но она своевременно исчезла из публичной политики, замедлив тем самым процесс этнизации русских. Но главное, мне думается, не в этом: для **быстрого** развертывания такого процесса недостаточно иметь раздражающий фактор как таковой, нужно, чтобы он постоянно находился рядом.

Поэтому реальным катализатором процесса этнизации стала массовая миграция в русские регионы страны жителей Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии. Результаты уже упомянутого масштабного исследования показывают, что к рыночным преобразованиям тогда были лучше других подготовлены люди, впитавшие в себя практику товарно-денежных отношений. Они и стали заполнять не просто вакантные рабочие места, а экономическую нишу, созданную в ходе реформ, но слабо востребованную русскими.

Данные опроса нашего центра, проведенного в МГУ в 2005 г., показывают, что процесс этнизации русских может "подпитываться" даже во вполне мирной, толерантной университетской студенческой среде.

Как известно, покровительство высшего по отношению к низшему — широко распространенная и далеко не худшая из практик традиционалистского общества. Даже символ свободолюбия в таком обществе — польский шляхтич — не считал для себя зазорным поцеловать в колено своего благодетеля. Известно и то,

что у народов Кавказа и Закавказья обычаи традиционалистского общества достаточно сильны. Поэтому нет ничего странного, что обучающиеся в МГУ дети и внуки уважаемых и обеспеченных представителей этих стран, выражая свое дружелюбие к русским однокурсникам, пытаются так или иначе им покровительствовать. Естественна и реакция русских студентов, тоже в массе своей детей не самых простых родителей. Они привыкли считать себя представителями доминантной группы, и их раздражает безобидное по своим мотивам покровительство со стороны "кавказцев".

За этой естественной и даже полузабавной ситуацией скрывается один существенный момент: у молодых и неплохо образованных "приезжих" не возникает вопроса о необходимости адаптировать свое поведение применительно к местным обычаям. У их менее образованных, но предприимчивых соотечественников, приехавших осваивать "рыночную целину" российской глубинки, сегодня тоже нет нужды ассимилироваться. Статус мигранта не вырастет, если он станет вести себя "как русский". Он не получит никаких — ни формальных, ни неформальных преференций. В этой ситуации срабатывает нормальный "базарный" принцип: если они (русские) не ценят свои нормы жизни, то почему я должен их ценить? И вот здесь формируется уже жесткий вариант межэтнического контакта.

Русский обыватель терпел местного выжигу, который приватизировал (читай — украл) единственное в маленьком городке предприятие и теперь безбоянно наживался на своих земляках. Он также относительно спокойно воспринял первых "других", вынужденных переселенцев. И даже порадовался появлению на местном рынке палаток приветливых выходцев с Кавказа и Средней Азии, потому что они привезли некачественные, но доступные по цене товары. Особых проблем не возникло и после того, как выяснилось, что все еще улыbliche пришельцы стали хозяевами почти всей местной сферы сервиса и торговли. Этнические конфликты, такие как в Кондапоге, начинаются тогда, когда "чужие" превращаются во "врагов", когда, наладив контакты с местной бюрократией, они становятся подлинными хозяевами жизни, т.е. диктуют местному населению свои ценности, привычки, обычаи.

Возникает не потенциальная, а реальная угроза последнему прибежищу в этом враждебном мире. Она может исходить от "кавказцев", цыган, "среднеазиатов" вьетнамцев, а ее жертвами, как сказал один из участников тематической фокус-группы, "всегда являются одни и те же — русские! А потом по телевизору нас еще и фашистами обзывают".

Я позволил себе эту не строго научную реконструкцию процесса изменений в этническом самосознании русских для того, чтобы показать, что реальной питательной средой этого процесса является не "ощущение угрозы основам национального бытия" и не "зов крови", а повседневная ткань обыденной жизни.

Отдельный разговор о молодежи. Она, в силу особенностей процесса социализации, сильнее других групп нуждается в четких ориентирах. Поэтому элиты всегда предлагают (часто навязывают) ей способы самоидентификации. В начале 90-х всем было не до молодежи, и процесс формирования ее ценностных приоритетов происходил, в полном смысле этого слова, стихийно.

Результаты массовых опросов, проводимых Центром социологических исследований МГУ в 1995–1997 гг., фиксировали рост значимости для молодежи (особенно для самых молодых) своей этнической принадлежности и снижение уровня толерантности со снижением возраста респондентов. Сегодня самым молодым уже около 30 лет. Ближайшую пару десятилетий именно они будут самыми активными носителями массового сознания. От них будет зависеть выраже-

ние лица русского этноса, и пока нет оснований считать, что оно останется традиционно гостеприимным и приветливым. В.Соловей прав, когда пишет, что русские превращаются сейчас из *"народа для других в народ для себя"*. И у этого народа впереди много своих проблем.

Не уверен, что автор примет мои "дополнения" к своим теоретическим построениям. Не знаю, к сторонникам какой из неудовлетворительных, по его мнению, гипотез ("социальной", "мигрантской" или "социокультурной") он меня причислит. Но я в любом случае не могу согласиться с его "расовой теорией". Не соглашаюсь не потому, что исповедую какой-то из критикуемых им подходов, а потому что не вижу весомой аргументации под его собственным. Его система умозаключений построена на очень уязвимом подходе: автор обнаруживает пороки в анализируемых гипотезах о причинах роста этнофобии, отвергает их на этом основании и делает неправомерный вывод: "В "сухом", нередуцируемом остатке у нас оказываются биологические (расовые и этнические) различия".

Вызывают возражения и некоторые "критические стрелы" в адрес все тех же "чужих" гипотез. В частности, В.Соловей пишет, что "10 лет назад, в условиях острого социально-экономического и политического кризиса уровень этнофобии был значительно ниже, чем в настоящее время, характеризующееся относительным экономическим подъемом и отсутствием масштабных социополитических кризисов. Это значит, что ксенофобские настроения не являются специфической реакцией на увеличение *массы* (курсив мой. — **В.С.**) мигрантов...".

В последнее время я уже второй раз сталкиваюсь с аргументом подобного рода. Первый раз на одном из круглых столов речь шла о том, что в начале 90-х годов при демократической власти в стране уровень ксенофобии, и особенно анти-семитизма, был почти на порядок ниже, чем при авторитарном режиме Путина.

Но ведь подобного рода фобии в сознании общества — это не импульсивная реакция типа щекотки. Нужно время, чтобы привычка не различать людей по национальностям сменилась ощущением угрозы, а потом и уверенностью, что "другой" этнос как минимум "чужой".

В начале 90-х годов организаторы массовых опросов замеряли интенсивность ориентаций, выработанных предыдущим социальным опытом. Именно катаклизмы последующих лет, в том числе и нерегулируемая иммиграция, послужили, на мой взгляд, основным фактором негативных перемен в общественном сознании, о которых и идет речь.

Не соглашаясь с аргументацией автора, я вместе с тем разделяю его вывод о том, что нет **однозначной** зависимости между интенсивностью иммиграционных процессов и интенсивностью выражения этнофобии. В 1992 г., когда проблема Чечни еще только начала обозначаться, наш центр провел опрос москвичей об их отношении к чеченцам. Отношение было спокойным, чуть настороженным. Неприязнь демонстрировали в основном люди, которые не имели никакого опыта общения с чеченцами, черпали информацию о них только из СМИ и по своим социальным характеристикам относились к группам населения, наиболее подверженным влиянию масс-медиа.

Степень субъективной угрозы, ощущаемой сегодня русскими, определяется не просто ростом численности "инородцев" в их населенном пункте, а характером складывающихся с ними отношений. Вероятность "бунта большинства" выше, если численно небольшая диаспора ведет себя особенно агрессивно. Но это будет реакцией не на фенотипические различия, а на агрессивное поведение.

Критикуя социокультурную гипотезу, В.Соловей объясняет разницу между низкими оценками, которые дают русские выходцам с Кавказа, и в целом пози-

тивными оценками в отношении немцев и белых американцев фенотипической близостью последних к русским. В силу этой "расовой близости" положительный образ простого американца не могут разрушить даже антиамериканские кампании в российских СМИ. Для объяснения такой же разницы в оценках фенотипически далеких русским японцев и азербайджанцев он вынужден вводить специальные понятия "виртуальных" и "реальных" этнических групп. С первыми русские не общаются, поэтому они не вызывают у них негативных эмоций, "плотная" практика общения со вторыми дает повод русским для выражения своего недовольства.

Эти построения несут в себе очевидное внутреннее противоречие, которое чаще всего возникает тогда, когда вывод является не результатом анализа, а его предпосылкой. Немцы и американцы для основной массы наших респондентов такие же "виртуальные" этнические группы, как и японцы. А цитата коллег о том, что "преобладающее в современных отечественных СМИ негативное конструирование негативного образа США или прибалтийских стран не приводит к негативизации массового восприятия американцев или эстонцев", выглядит вообще странно.

Если из этих сложных конструкций убрать "расу", то все становится на свое место: русский без претензий относится к фенотипически разным немцам и японцам, потому что ему нет сейчас никакого дела до этих этносов, а с азербайджанцами он регулярно общается на рынке и судит о них не по паспорту, не по лицу, а по отношению к себе и своему соседу.

Я не стал бы обременять читателей этим методологическим "занудством", если бы речь шла о чисто концептуальных построениях. Но за анализом причин роста этнофобии маячат, хотим мы того или нет, уже не только теоретические, но и политические выводы. Осознавая их неизбежность, нужно, как мне кажется, быть просто внимательнее к тому, что выходит из-под нашего пера.